

Борис Карлов

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Люди большие и люди маленькие

Одиночество

У банкира Спартака Сысуевича Мошненко был день рождения. Пока у него дома готовили и накрывали, мужчины на четырёх машинах выехали искупаться на озёра. По дороге для визгу прихватили девиц лёгкого поведения.

Запалили костёр, нажарили шашлыков, пили, бегали и купались. Спартак Сысуевич так расшалился, что с одной рыженькой, стоя по пояс в воде, поменялся трусами.

Но вот стемнело, дома всё было готово, за столом ждали расфуфыренные жёны. Водители посигналили в клаксоны, помигали фарами и уехали.

На дороге водители потеряли друг друга из виду, поэтому никто не заметил, что виновника торжества нет ни в одной машине. А девушек высадили у метро.

Только потом, когда уселись за столом, выяснили, что Спартака Сысуевича нет. Водителей отчитали и отправили обратно на озеро.

Все были подшофе и начали потихоньку без хозяина. Мужчины шептались, что он нарочно остался с той, рыженькой...

Но дело обстояло иначе.

Спартак Сысуевич действительно увлёкся одной из девушек и, чтобы показать, какой он сильный, решил переплыть озеро. Переплыть и крикнуть всем что-нибудь с того берега.

И он действительно переплыл. Но, сколько ни кричал, из-за музыки и других голосов его никто не услышал.

Тогда Спартак Сысуевич присел за кустом, чтобы по крайней мере покакать здесь спокойно.

Но едва он присел, машины на том берегу загудели, засветили фарами и тронулись. Никто не заметил его отсутствия, потому что все садились куда попало с девушками на коленях. А та рыженькая всё знала, но промолчала оттого, что втайне мужчин вообще ненавидела.

Несчастный вскочил, крикнул, сорвал голос, прыгнул в воду, поплыл...

До города было сорок километров по шоссе. Рассчитывая, что за ним всё-таки вернутся, Спартак Сысуевич стал ждать. Но скоро ему стало холодно, комары одолели не на шутку, и он пошёл навстречу своим ходом. Изнеженные ноги кололи острые камешки; мужские достоинства, чтобы не растерять, приходилось придерживать ладошкой.

За полчаса мимо проехала только одна машина. Посветив фарами на отчаянно голосующего попутчика, водитель выругался и резко поддал газа. На немолодом упитанном мужчине были одни только женские трусики из секс-шопа: сеточка спереди, сзади — ниточка.

Сообразив, что здесь, на большой дороге, его могут запросто убить, Спартак Сысуевич решил идти наперерез, по тропинке, в сторону светящихся где-то на краю вселенной огоньков новостроек.

В эту минуту, когда он свернул, мимо проехали автомобили, отправленные на его поиски.

Он шёл к своему городу, а окна домов, находившихся на окраине, постепенно гасли. Полная луна освещала ему путь в дикой природе. С криком выпрыгивали у него из-под ног лягушки, ночные птицы хлопали крыльями у самого его лица.

Спартак Сысуевич постепенно трезвел, его начали одолевать жажда и усталость. То и дело он присаживался на корточки, черпал ладонями и пил воду из ямок и болотцев.

Когда стало светлеть, он пересёк крысиный пустырь и вышел к первой городской постройке. Нога его ступила на цивилизованную асфальтированную поверхность.

Одновременно небо заволокло, начался затяжной сентябрьский дождик. Не прикрываясь больше ладошкой, стиснув кулаки и двигая желваками, он широко шагал посередине пустынных улиц мимо случайных ранних прохожих и мигающих жёлтым светом светофоров. Он уже не думал о воде, пище, тёплой ванне и сухой постели. Он хотел только одного: вынуть из-под заднего сидения помповое ружьё, подняться к себе в квартиру и всех покрошить.

Наконец, он увидел у парадной свою машину и подобрал булжик. Приблизившись к тонированному заднему боковому стеклу, хорошенько размахнулся.

Но тут рядом остановился милицейский газик, и его взяли.

Несогласованность

К Валентину Семёновичу Рыскину пришёл в гости новый сотрудник по службе, фамилия которого была Колбасьев. Они приятно провели вечер, распив бутылку водки, очень понравились друг другу, но поскольку были пока ещё мало знакомы, Колбасьев в положенное время распрощался и ушёл домой. А так как ему очень хотелось выпить ещё, он зашёл к соседу и пропьянствовал у него до утра, будучи вынужденным слушать его слабоумные бредни.

Когда Рыскин остался один, ему тоже очень хотелось выпить ещё, но он был человеком семейным и послушно лёг спать. Но заснуть никак не мог и время от времени выходил на кухню, сидел там один, выпивая рюмочку, а то и две подряд, курил, смотрел на горящий газ, и в голову ему лез разный вздор.

Следующий день оказался не самым удачным. Рыскин не выспался, по дороге на службу грубый водитель окатил его грязью, а потом начальник вызвал его к себе на ковёр и долго распекал. Весь день у него болели голова и желудок. По дороге домой он зашёл в аптеку, и там его несправедливо обхамили.

Но зато, когда дома жена подала ему борщ, и на столе не оказалось соли, Валентин Семёнович орал и стучал по столу так, что в окнах дребезжали стёкла, а дети в другой комнате плакали.

В этот же день, банкир Спартак Сысуевич Мошненко приехал в офис на той самой машине, которая окатила грязью Валентина Семёновича Рыскина. Он долго и неспешно распекал одного из служащих, а потом обедал в дорогом ресторане, заставив официанта перестелить скатерть.

Когда рабочий день кончился, Спартак Сысуевич поехал не домой, а в гости, где хозяйка — женщина в чёрном кожаном белье — била его плёткой и всячески унижала. А Спартак Сысуевич стоял голый на четвереньках, сладостно скулил и извивался.

Магия телевидения

Один знакомый привёл домой к Рыскину человека, сильно примелькавшегося на телевидении. Увидев его у себя на пороге, Рыскин так и обомлел. Его жена тоже очень разволновалась. Она выставила на стол всё самое лучшее, что было в доме. Выставила хрусталь из серванта, который стоял специально для красоты, и открыла баночку икры, припасённую к юбилею свадьбы. Рыскин

сбегал в магазин за дорогой водкой и лимонадом, растратив последние деньги из семейного бюджета.

Посидели, выпили, поговорили. Телевизионный человек оказался так себе, вроде не в духе. На экране он казался совсем другим — энергичным, весёлым. А в гостях он вроде как скучал, о своём думал. Но тот знакомый, который его привёл, всё Рыскину втихоря подмигивал, кивая в сторону знаменитости: вот, мол, смотри, какого я к тебе человека привёл.

Потом они оба ушли, а супруги убрали всё недопитое и недоёденное в холодильник. Посуду вымыли, вытерли и обратно в сервант поставили. Только одну мельхиоровую ложечку под серебро нигде не нашли. Подумали, и решили, что кто-то по рассеянности в карман сунул.

Да что там ложечка, не большая потеря. Зато теперь, всякий раз, когда этот известный человек появлялся на телевизионном экране, Рыскин с удовлетворением произносил: «Опять этот чудик. Помнится, нахрюкались мы с ним у меня дома — как зюзи». И все смотрели на Рыскина с уважением. А ложечка нашлась потом под диваном.

Мокрицын

Когда Спартак Сысуевич был маленький и жил в коммунальной квартире, у него был сосед по фамилии Мокрицын, который наводил ужас на всех жильцов. Он пьянствовал, дебоширил, был нечистоплотен и водил к себе падших синюшных женщин. Однажды он затопил квартиру, а в другой раз заснул с горящим окурком и устроил пожар. Его комната здорово обгорела, но он даже не подумал делать ремонт, а так и жил, опускаясь всё ниже и ниже.

Много раз соседи пытались выселить Мокрицына: приво-дили участкового милиционера, санэпиднадзор и даже врачей из психушки.

Но этот нахальный гражданин сразу начинал размахивать ветеранским билетом, рвал на себе рубаху, плакал и кричал, что он проливал кровь и всё такое. Короче говоря, управы на него не было.

И вот однажды, после того как Мокрицын украл и продал на рынке любимца всей квартиры кота Барсика, маленький Спартак Сысуевич объявил соседу войну.

Он натянул над полом верёвку, и пьяный Мокрицын о неё споткнулся, опрокинул на себя бак с кипящим бельём и ударился головой об угол табуретки.

В больнице, в страшных мучениях, Мокрицын умер, и вся квартира вздохнула с облегчением. В его комнате сделали ремонт, и там поселилась чистенькая интеллигентная старушка. Никто не догадывался, что причиной смерти прежнего жильца был маленький Спартак Сысуевич. А сам он ещё не понимал того, что сделал. И он ещё долго играл значками и медалями, которые остались в комнате Мокрицына, сложенные в жестяной коробке, после его смерти.

А на похороны Мокрицына собралось много хороших людей, умных и талантливых. Потому что он, оказывается, тоже был когда-то умным и талантливым, но в войну его контузили, и он повредился умом.

Спартак Сысуевич вырос и почти совсем позабыл о случившемся. А Мокрицын который снова сделался умным и талантливым, зла на него не держит.

Сдвиг по фазе

Это рассказ о том, как внезапно и нелепо, во цвете лет, закончил свои дни директор продовольственной базы Никита Борисович Мукасеев.

Жарким воскресным утром Никиту Борисовича разбудил телефонный звонок. Просили, чтобы он приехал на склад и принял партию копчёной рыбы.

Но Никита Борисович неважно себя чувствовал после вчерашнего и хотел выспаться. Поэтому он соврал, что болен, и велел разбудить своего заместителя. А сам отключил телефон и повернулся на другой бок.

Как назло, заснуть ему уже не удалось. Промучавшись часа два, он поднялся и, чтобы хорошенько пропотеть и разогнать кровь, залез на тренажёр и крутил педали до полного изнеможения. В обед у него было назначено приятное свидание, и он хотел выглядеть свежим и уверенным в себе.

Пропотев как следует, Никита Борисович отправился в ванную, уже предвкушая тугие, прохладные струи душа на своём теле.

Но помыться ему не удалось, потому что в кране не оказалось воды.

Телефон в жилконторе был всё время занят.

Никита Борисович вытерся полотенцем и обрызгал всего себя дезодорантом. В это время у него почему-то начал дёргаться глаз. Во время бритья он порезался, а потом вылил кофе на новый белоснежный костюм.

На улице он не смог открыть машину, потому что ключи остались в новом костюме. Домой он тоже не смог вернуться, потому что ключи от квартиры находились на том же кольце, что и ключи от машины.

Никита Борисович поспешил на автобус, но на проезжей части его сбил новенький «Запорожец» с учебными номерами.

Когда охающего Никиту Борисовича заносили в «скорую», его нечаянно уронили с носилок, он сломал указательный палец, откатился на проезжую часть и его медленно переехал каток.

Гроб, в котором хоронили Никиту Борисовича Мукасеева, сорвался в яму и раскололся пополам.

А потом хлынул дождь, в яму ударила молния, и от Никиты Борисовича совсем уж ничего не осталось.

Вот что случается из-за одной маленькой неправды.

Пельмень

Однажды Никита Борисович собрался немножко похудеть.

Проснувшись утром, он съел только два яйца в мешочек и выпил стакан чая без сахара.

Перед самым уходом он подумал, что день предстоит тяжёлый, а съеденное утром всё равно быстро перегорит в организме. И потому не стоит себя до такой степени изнурять. Он вернулся на кухню, намазал булку маслом, полил вареньем и с большим удовольствием скушал.

И действительно: в первой половине дня Никита Борисович чувствовал себя молодцом — легко и бодро. Он был очень доволен тем, что не стал набивать с утра желудок тяжёлой пищей.

Во время полуденного ланча он тоже себя не перегружал, а только скушал несколько бутербродов с ветчиной и выпил чашечку кофе.

Такой спортивный режим Никиту Борисовича очень бодрил. Он успешно провёл несколько деловых встреч, похлопал по попке новую сотрудницу, а она ему улыбнулась и погрозила пальцем.

К обеду Никита Борисович проголодался всерьёз и заказал себе чуть больше, чем обычно.

Корзиночку салата из крабов, розетку икры на льду и ассорти мясное на блюде.

Соляночку донскую с заварными клёцками, борщок украинский с чесночными пампушками, харчо из баранины, соляночку сборную на сковороде и лёгкий раковый супчик с телячьими ушками.

Кусок ростбифа в соусе бешамель, волованы с телятиной, шашлык по-карски и почки в мадере с шампиньонами.

Десертом он не злоупотреблял и ограничился мороженым с рюмочкой ликёра, сыром и фруктами.

В пять часов, незадолго до конца рабочего дня, Никита Борисович присел на скрипнувший край стола секретарши, и, болтая о том о сём, между делом, съел несколько пирожных из коробки, подаренной посетителем.

Дома Никита Борисович весь вечер смотрел футбол. А чтобы совсем не оставаться без дела, хрустел чипсами. Сначала наши проигрывали, потом два гола подряд отыграли, и всё закончилось вничью. Но Никита Борисович так переволновался, что не заметил, как схрумкал четыре больших пакета. После этого он долгопил спрайт, припав к горлышку пластиковой бутылки.

Через некоторое время лимонад освободил место для пары яблок, которыми пришлось заморить червячка.

Но кисловатые плоды только разожгли аппетит, и Никита Борисович, махнув на диету, нажарил себе свинины с картошкой и с луком.

Ночью Никита Борисович вышел на кухню и допил спрайт. А потом, вспомнив, что всё равно уже сорвался, сварил пачкупельменей и скушал, щедро заправив маслом и сметаной.

Потом он опять лёг, заснул, и ему снилось, что он сам один большой пельмень, и его полощут и в растопленном масле, и в сметане, а ему приятно...

Подстава

До того, как Рыскин женился и обрёл полноценную семью в отдельной двухкомнатной квартире, он проживал в коммуналке, и там его нередко третировали. Особенно доставалось от постового милиционера Сковороды, который занимал самую дальнюю комнату возле кухни, ванны и туалета.

Рыскин тогда работал в НИИ и по ночам писал диссертацию о преимуществах социалистической экономики и планирования. Скворода работал сутки через трое. Выпивши, он часто ночью сидел на кухне с папироской, потому что в комнате ему было скучно. Если Рыскин выходил с чайником или в туалет, Скворода обязательно к чему-нибудь цеплялся. Особенно часто — по поводу непогашенного света.

Однажды Рыскин в очередной раз нарвался, и сосед голосом паровой трубы произнёс ему в спину:

— Вот что, Валентин Семёнович, мне это надоело. Если ты ещё раз не погасишь свет в сортире, я тебя или посажу или расстреляю к едреней матери.

— Что вы говорите?.. Свет?.. Да-да, я сейчас, бога ради, извините.

Рыскин вернулся, погасил свет и убежал к себе в комнату.

Ночью, когда вся квартира уснула, Рыскин отправился в туалет по большому. И пока он сидел, ему слышалось, будто кто-то ходит на цыпочках по коридору. И что вдалеке характерно скрипнула дверь его комнаты. Всё это отвлекло от главного; Валентин Семёнович потерял бдительность и, вроде бы, выходя, снова забыл щёлкнуть выключателем...

Едва он вернулся в комнату и лёг, в голове его заухали недавние угрозы. Вылезать из-под тёплого одеяла не хотелось, и он начал вспоминать: погасил он свет или забыл. Напряжение мысли прогнало сон, и он решительно поднялся, чтобы проверить и поставить на этом точку.

Взявшись за ручку двери, Валентин Семёнович вдруг услышал голос Сквороды. В коридоре на стене висел общий телефонный аппарат, и милиционер шёпотом говорил в трубку: «Доподлинно известно, высылайте бригаду... Анонимный сигнал от бдительных граждан, никаких фамилий».

Рыскин прикрыл дверь и на цыпочках вернулся к своей постели.

Рано утром, едва только солнце показалось из-за крыш, в коридоре послышалось хлопанье дверей, голоса и топот сапог. В комнату без стука ввалились милиционеры, человек в штатском и разбуженные понятые из соседей.

В ящике письменного стола нашли коробок с дурью. Рыскин за этот коробок уже брался, потому что в квартире все ходили к плите со своими спичками. А Скворода, хотя и мелькнул в коридоре с загадочным выражением лица, к своим коллегам даже не подошёл, не поздоровался.

Рыскина привезли в тюрьму и затолкали в камеру к уголовникам. Такие рожи и татуировки он в жизни никогда не видел. «За что щегла повязали?» — спросили у тюремщика. «А он соседскую девочку изнасиловал, — соврал тот, не сморгнув глазом. — Совсем маленькую, в коляске, глухонемую...» И дверь захлопнул.

Тут уголовники начали медленно слезать со своих нар и приближаться, чтобы для начала хорошенько разглядеть Рыскина. А того будто парализовало. Надо бы закричать, позвать на помощь, разъяснить всё это чудовищное недоразумение... Уголовники уже совсем близко, окружили, дышат ему в лицо пивом, кривят страшные рожи, тянут к нему руки с наколками...

От нечеловеческого напряжения Рыскин дёрнулся, извернулся всем телом и — проснулся.

Смертельная болезнь

Одно время Валентин Семёнович Рыскин пил много химозного лимонада не очень понятного производства. Он собирал пробки, чтобы выиграть в рекламной лотерее. И вот однажды утром ему сделалось плохо. Не то, чтобы его вырвало, но внутри что-то неприятно засосало.

Он без аппетита позавтракал жареной колбасой с яичницей и снова прилёг.

Желудок нашёл себе работу, и боль утихла.

Но Рыскин где-то слышал, что так всегда бывает перед новым, гораздо более ужасным приступом.

И тогда он вызвал «скорую». Чтобы его успели спасти или хотя бы облегчили его страдания.

Приехала бригада, и его внимательно осмотрел профессор медицины. После отошёл и о чём-то пошептался со своими ассистентами. Затем встал возле кровати и скорбно посмотрел Рыскину в глаза.

— Валентин Семёнович, — сказал он. — Поскольку в человек бывалый, мы не станем скрывать от вас всю правду. Вы больны неоперабельным раком желудка в самой последней стадии. Вам осталось жить только три или, максимум, четыре дня. После этого вы умрёте в страшных, невыносимых мучениях. А потому я вообще не вижу смысла с вами разговаривать. Не звоните нам больше.

И профессор, развернувшись, пошёл к выходу.

— Стойте! — крикнул Рыскин и умоляюще протянул руку. — Неужели нет никакого лекарства?.. Я где-то слышал, что если скушать плавник белой черноморской акулы...

— Нет, — печально возразил ему профессор, — все плавники уже срезаны и съедены другими больными. Но, всё-таки, у вас есть ещё один самый последний шанс.

— Скажите, что нужно, я всё, буквально всё сделаю!.. — искренне пообещал Рыскин.

— Хорошо, я скажу, — нахмурился профессор. — Вы должны мобилизовать ресурсы собственного организма, сконцентрировать все силы и победить болезнь одним могучим усилием воли.

Профессор двинул желваками и ушёл окончательно.

И тогда Рыскин, едва только захлопнулась дверь, собрал все свои внутренние силы и напрягся так, что наморщился лоб и на глазах выступили слёзы.

Из-за этого напряжения он пукнул, дрыгнул ногой и проснулся.

Власть

Валентина Семёновича Рыскина обманули в рекламной лотерее. Целый год он собирал пробки от пластиковых бутылок, но ему ничего не дали. А он рассчитывал выиграть автомобиль. Или, хотя бы, на худой конец, поездку на Кипр.

Но его обманули.

И тогда Рыскину приснился сон, будто он сделался президентом России, и к нему, едва он проснулся, идут министры. Какие, мол, будут ваши самые первые распоряжения?

Первым делом Рыскин велел найти и расстрелять устроителей лотереи.

Потом велел расстрелять своего начальника по службе и своего соседа по площадке, который замучил его громкой музыкой.

Потом велел расстрелять Чубайса, Лужкова и ещё одного с телевидения, который умничает.

Подумал немного и шепнул генералу самых секретных служб, чтобы тещу тоже... как-нибудь незаметно.

Через десять минут докладывают — всё исполнено!

Рыскин похвалил министров за усердие, но подниматься с кровати на торопится, ему завтрак прямо в кровать несут. И цыган откуда-то приводят — с бубнами, с гитарами и с дрессированным медведем. Цыгане играют, цыганки поют, пляшут, голыми животами крутят, в бубны звенят, медведь фокусы показывает. А Рыскин икру ложками ест, шампанским запивает. Хорошая жизнь у президента!

Потом всех прогнал, а одну цыганочку оставил — ту самую, которая приглянулась...

Вот именно тогда жена его и разбудила.

Оружие

Рыскин много лет копил деньги на охотничье ружьё.

Не то, чтобы ему нравилось убивать лесных зверей и птиц, а просто ради природы. У него были друзья, которые звали его на охоту, расписывая красоты тех мест, куда ездили.

И вот Рыскин накопил нужную сумму и отправился в милицию за разрешением.

В милиции ему первым делом велели взять справку, что он здоров. А то вдруг он псих и перестреляет совершенно невинных людей. Такая справка, сказали ему, при покупке ружья — самое первое дело. И Рыскин отправился в свою районную поликлинику за справкой.

Девушка в регистратуре выслушала его довольно рассеянно и выписала ему на три часа номерок номер один к терапевту.

Рыскин погулял, сходил в кино, и в назначенное время был у дверей кабинета. Его удивило, что множество сидевших в коридоре пожилых людей смотрят на него мрачно и недоброжелательно.

Когда над дверью загорелась лампочка, и Рыскин хотел зайти, его вдруг грубо оттеснила гражданка на костылях, а кто-то раздражённо сказал: «Мужчина, тут живая очередь».

Удивлённый и расстроенный, Рыскин занял очередь и просидел в коридоре часа два с половиной, слушая тоскливые разговоры пенсионеров.

Наконец он попал в кабинет, и врач спросил, не поднимая глаз: «На что жалуетесь?».

Рыскин начал объяснять ему про ружьё.

Врач не понял и потребовал направление.

Рыскин сорвался на крик, и врач пригласил следующего. «Разберитесь в регистратуре», — сказал он сухо.

Рыскин спустился в регистратуру и начал там буянить. Пришла главный врач и, чтобы его как-то утихомирить, велела выписать ему направления на все анализы и на рентген.

К концу недели Рыскина знала вся поликлиника. Он сделался взъерошен, дик и непредсказуем. Однако сдал все анализы и собрал все справки.

Не знал его только один молоденький врач, который заступил первый день. Он вообще не знал, какие бывают больные. И к нему попал Рыскин.

— Погодите, погодите, — удивился молоденький врач. — Вам за такой справкой надо не в поликлинику. Вам нужно идти в психодиспан...

Однако договорить он не успел, потому что Рыскин прыгнул как вампир и вцепился зубами ему в воротник.

Насилу оттащили.

Валентина Семёновича увезли в сумасшедший дом и продержали там неделю. Поставили на учёт и строго-настрого запретили иметь ружьё.

На скопленные деньги Рыскин купил сервант. Когда он слышит слова «поликлиника» или «регистратура», то вздрагивает. И никогда не болеет, даже в самую жестокую эпидемию гриппа.

Илья Ильич умер

В этот день Илья Ильич не проснулся. Всю ночь ему хотелось пить, и всего за несколько минут до звонка будильника приснилось, будто он стоит в ларёк за пивом. Впереди и сбоку лезли без очереди, поэтому окошко с пенящимся краном не становилось ближе. Илья Ильич почувствовал сильнейшую усталость. Он предупредил стоящих сзади и спереди, отошёл в сторонку и присел на лавочку. И там его сморил сон. И ему приснилось, что он дома, у себя в кровати, и вот-вот прозвонит будильник. Но тут его окликнули, потому что подошла его очередь. И будильник зазвенел в это же время. Илья Ильич дёрнулся туда, сюда... И решил всё-таки попить пива.

ЛЮДИ ТВОРЧЕСКИЕ

Саймон и Гарфункель

Говорит Эд Салеван мл., ведущий ТВ-шоу «Легенды попа».

Знаменитый вокальный дуэт «Саймон и Гарфункель» прекратил своё существование ровно год тому назад. Это были удивительные люди. Саймон — высокий смуглый красавец с голосом поразительной красоты, даром величайшего композитора и стихотворца. Гарфункель — маленький, пухлый, бледный, рыхлый, с кривыми почерневшими зубами и дурным запахом изо рта; у него не было ни слуха, ни голоса, он чудовищно картавил и плевался. Почему они жили и выступали вместе? Для всех это осталось неразрешимой загадкой.

Время от времени Саймон принимал решение начать сольную карьеру. Но едва он заговаривал на эту тему, Гарфункель падал ему в ноги и принимался рыдать. Он клялся, что если Саймон его оставит, он покончит с собой, бросившись прямо на сцене, перед публикой, лицом вниз на два приставленных к глазам скальпеля. Саймона била дрожь, он клялся своему другу, что они будут вместе до конца, буквально до гробовой доски. Этот сюрреалистический кошмар тянулся из года в год.

Наконец, однажды, когда любимая женщина поставила условие «или она или он», Саймон решил избавиться от Гарфункеля любой ценой.

Тёмной ноябрьской ночью, когда дождь заливал лобовое стекло их лимузина, кумиры миллионов остановились на железнодорожном переезде. Шлагбаум опустился, но поезда не было. Кругом, за сотню миль, — ни души. Саймон и Гарфункель ехали с вечеринки и были в состоянии некоторого подпития. Они выбежали из машины и принялись писать на рельсы, хохоча и придуриваясь. Внезапно

у Саймона возник мгновенный план убийства. Он изменился в лице, сделал шаг назад, поднял булыжник и, размахнувшись хорошенько, ударил своего партнёра камнем в висок.

Мгновением раньше ничего не подозревавший Гарфункель обернулся. В отблеске молнии он увидел страшное лицо убийцы. Камень скользнул по черепу, лишь только ободрав кожу.

С криком отчаяния Саймон бросился вперёд, и оба, сцепившись, упали на шпалы перед стремительно надвигающимся локомотивом. В исступлении, не замечая ничего вокруг, они начали кататься между рельсами, рыча и кусаясь.

Целую вечность над ними грохотал товарный состав. То одному, то другому удавалось потеснить противника, и тогда из-под колёс на гравий вылетала рука, или нога, или обломки рёбер...

После дождя у переезда волею случая остановилась машина скорой помощи. Врачи увидели пустой лимузин, а затем обнаружили владельцев.

Обнаружили то, что от них осталось.

Увы! Крысы и бродячие собаки растащили части, которые, несомненно, ещё можно было прирастить к телам. Обложенных льдом, всё ещё живых, Саймона и Гарфункеля машиной, а затем вертолётom доставили в лучшую клинику Соединённых Штатов. Врачи сделали всё, что могли, но они не могли сделать невозможное. Любимцы миллионов, дуэт «Саймон и Гарфункель» прекратил своё существование таким, каким мы его знали.

Свет прожектора становится ярче, Эд Самеван шаг за шагом приближается к середине сцены.

С того трагического дня минул уже год.

Эд Самеван говорит громче.

И вот, заголовки газет потрясли армию поклонников дуэта.

Они снова выходят на эстраду!

Беспрецедентная! Успешная! операция и месяцы репетиций позади! Они поют, они снова с нами! Их гонорары возросли в десятки, в сотни раз!! Теперь мы знаем: они ни-когда не разойдутся!! Встречайте их!!!

Эд Самеван отступает, вытянув руки в сторону кулис.

Под шквал аплодисментов на эстраду выкатывают кресло, в котором сидит человек с гитарой. Две головы кланяются на разные камеры — одна голова Саймона, другая Гарфункеля. Они — сращенные искусственным образом «сиамские близнецы».

Рука Гарфункеля привычно ударяет по струнам, Саймон запекает своим чарующим голосом «Миссис Робинсон». Прослезившаяся толпа стихает.

Эд Самеван на цыпочках удаляется со сцены.

Тайна лесного озера

В августе 1989-го писатель Алексей Крымов отдыхал в Доме Творчества. Ему дали отдельный номер с видом на красоты Карельского перешейка и обеспечили трёхразовое питание.

Начатая в городе повесть, под которую журнал выплатил аванс, не пошла. Перемена обстановки кружила голову. Для того, чтобы настроиться на лирический лад, Алексей решил закрутить лёгкий, ни к чему не обязывающий роман.

Как назло, среди этих неописуемых красот он не обнаружил ни одной подходящей женщины: мало-мальски симпатичных уже расхватили приехавшие раньше коллеги по цеху.

Была ещё одна чертовски привлекательная поэтесса — увы! — воинствующая лесбиянка.

Крымов не захотел мириться со сложившейся ситуацией. Он не верил в искренность лесбиянок. В порнофильмах эти так называемые лесбиянки при случае охотно использовали для своих утех

мужчину, а то и просто резиновый имитатор. Гордая и неприступная с виду поэтесса, которую звали Анна Апухтина, буквально не выходила у Крымова из головы.

И вот, в самый последний день, когда длительное воздержание и бёдра Апухтиной почти уже лишили разума нашего героя, он решил действовать, будь что будет. Он проследил предмет своих желаний на поздней прогулке, отправившись следом за ней по лесной тропинке.

Пели комары, было тепло и душно, луна одела листву загадочным серебром. Вскоре они вышли к озеру, и Крымов увидел Анну совершенно голой, грациозно заходящей в воду.

Не раздумывая, он разделся, зашёл в воду и поплыл рядом. Оба молчали, неторопливо загребая тёплую, пахнущую тиной, воду.

Потом они вышли на песок, и Крымов приблизился к Анне вплотную, чтобы прижать к себе её влажное тело и ощутить свой лобок на её точёном животике...

Однако, случилось иначе.

Анна взяла Крымова за яйца и, глядя прямо в глаза, сжала сокровища кулаке с такой силой, что Крымов вдруг задохнулся и потерял сознание.

Оба они так и не произнесли ни одного слова.

Очнувшись, Алексей кое-как оделся и добрался до своей комнаты. Утром он сел в автобус, а к обеду был уже дома. С чувством он прижал к груди свою жену, такую тёплую и надёжную. А она поняла, что он не изменил ей, и что он её любит.

До вечера Алексей лежал в ванной с прохладной водой, прикрыв глаза и негромко постанывая. Всё очень распухло и посинело. Он сказал жене, что ушибся, катаясь на велосипеде. К женщинам красивым, но неприступным и загадочным у него выработался рефлекторный страх на всю оставшуюся жизнь.

Успех

Актёра Большого Драматического театра Волобуева лет тридцать не замечали режиссёры. Тридцать лет он стоял с алебардой или говорил «кушать подано», потому что никто не понимал его таланта. Даже его супруга давно смирилась с мыслью о том, что её муж лентяй и неудачник и уже ничего хорошего от жизни не ожидала. А Волобуев лежал на диване и всё думал, что его время ещё не пришло, и что потом всё само собой как-нибудь переменится. Что его время ещё придёт, и он созреет для чего-нибудь великого.

И вот его жена спохватилась, что годы уходят, а ничего хорошего она в жизни не видела и что дальше тоже, скорее всего, ничего не светит. И она твёрдо решила уйти от своего мужа. Она присмотрела себе вдового военного с хорошей пенсией и договорилась с ним сойтись и наживать добро.

И она к нему переехала.

И вдруг, как гром с неба, её муж, актёр Волобуев, становится телевизионной звездой.

Он становится самым популярным в стране актёром, потому что на своём диване он всё-таки дозрел и стал вроде нашего русского Бенни Хилла. И деньги на него сыплются, едва успеваешь по карманам рассовывать.

Увидев такое, жена Волобуева расстроилась и перепугалась. Она-то уже к своему новому окончательно переехала, осталось только забрать кое-что из посуды и цветной телевизор «Рубин» 1979 года выпуска. А по телевизору, что ни вечер, показывают её мужа — того самого, который на диване лежал...

От такого поворота событий мозги у неё съехали набекрень. А тут ещё её новый, которому всё это неприятно, начал истерики закатывать.

И она не придумала ничего лучше, как судиться с Волобуевым из-за его нового имущества.

Этому делу она посвятила оставшиеся годы жизни, проводя все дни напролёт в судах, а вечерами сочиняя новые всевозможные иски и требования.

И однажды, не выдержав такого напряжения сил, она умерла от эпилептического припадка прямо на приёме у прокурора, так и не успев ничего отсудить.

А Волобуев живёхонек, бодр и весел. Вы на него часто по телевизору смотрите.

Семейные радости

Давным-давно, когда актёр Волобуев жил со своей женой в коммуналке, у него часто собирались друзья актёры. Они выпивали, балагурили, бегали на улицу за добавкой.

А когда гости уходили, случалось, что жена Волобуева закатывала своему супругу скандал на пустом месте. Ей не нравилось, что её муж получает 84 рубля с копейками и ему не дают ролей. Сама она тоже, кстати говоря, была не подарок: ленивая, неумная и злая.

Однажды, после ухода гостей, слово за слово, жена совершенно незаслуженно обозвала Волобуева неудачником, импотентом и ничтожеством. А тот ударил жену засохшим букетом, в котором были гвоздики.

Тогда жена попыталась выцарапать ему глаза, и царапины остались на носу и на ухе.

Волобуев обмакнул кровь носовым платком, сказал «ах ты мразь» и кинул в жену пустой бутылкой. В последнее мгновение рука его всё-таки дрогнула, и бутылка попала в чехословацкое трюмо. Разбились два зеркала и ещё какие-то пахучие пузырьки.

В комнату вошёл сосед, алкоголик дядя Володя, которого разбудил шум. Он хотел примирить супругов, но едва только приблизился к соседке, как та ударила его кулаком по лицу.

Дядя Володя упал на пол и изрезал руки битым стеклом.

Теперь вся комната была заляпана кровью.

Съехав с катушек окончательно, жена схватила Волобуева за волосы, которые у него начинали уже выпадать, не смотря на втирания, и стала таскать его за волосы по квартире.

Тогда Волобуев решил свою жену убить.

Он вырвался, схватил со стола нож и замахнулся.

«Бей!» — холодно сказал жена и выставила вперёд грудь.

Волобуев выронил нож, закрыл лицо руками и выбежал на улицу.

Всю ночь он просидел и проплакал на ступеньках одного из спусков Крюкова канала, а под утро заснул, и его забрала проезжавшая мимо патрульная машина.

В отделение милиции за ним пришла жена. Вчерашнего скандала она как будто не помнила.

— Ну, пойдём, горе ты моё, — сказала она, вытирая послуявленным платочком мужнино лицо. — Всю ночь после твоих гостей убиралась. Сам-то что-нибудь помнишь?..

И Волобуев, немного подумав, покачал головой — будто он и вправду ничего не помнит.

Притча о самом талантливом писателе

Жил-был один человек, которому Бог дал невероятной силы литературный талант. Но было время перемен, вкусы и нравы находились в упадке, и его произведений никто не понимал.

Его оригинальные, изящные новеллы о любви, о природе и о тонких человеческих отношениях не хотел печатать ни один журнал, не принимало ни одно издательство.

Впрочем, один издатель его пожалел и предложил срочную работу на заказ. И расценки неслыханные — тысяча американских

долларов за килограмм рукописи. Писатель давно не имел в доме хлеба, задолжал за электричество, а потому согласился.

И вот из-под его пера вышли несколько книг. Одна называлась «Перо в бок», другая — «Закон братвы», а третья — «Любвеобильные лесбиянки».

Эти книжки успешно разошлись, и писатель начал один за другим строчить бестселлеры. Ему дали в помощь негров, чтобы он успевал удовлетворять рыночный спрос.

А через год писатель вообще забыл, что он когда-то занимался настоящей литературой. Его старые рукописи потерялись во время переезда в новую, хорошую квартиру.

Никто даже не понял, что те три, самые первые его книги, — про перо, про братву и про лесбиянок, — по стилю и изяществу слога превосходили Пушкина, Куприна, Толстого и Чехова... Потому что нормальные люди книжек с такими названиями не читают, а те, которые читают, ничего особенного не заметили.

Вот так, на рубеже третьего тысячелетия, мир остался без величайшего в истории человечества писателя.

Любаша и Пьер (история любви)

Балтийский берег

Однажды Любаша оказалась в гостях на какой-то даче — не то в Солнечном, не то в Комарове... В малознакомой компании ей не понравилось. Все много пили, а некоторые даже пытались к ней приставать. Поэтому, едва небо на востоке посветлело, она тихонько ушла, рассчитывая вернуться в город на первой электричке.

До того, как пойти на станцию, Любаша решила окунуться в заливе.

Вокруг никого не было, она скинула с себя всю одежду и шагнула в холодную воду.

Но окунуться сразу ей не удалось, потому что у берега оказалось слишком мелко.

Убедившись, что вокруг всё ещё пустынно, Любаша отважно пошла вперёд, разгребая воду, от мели к мели, то коленями, то щиколотками.

Наконец, уже где-то на полпути к Швеции, вода поднялась ей до уровня пупка; Любаша окунулась и немного поплавала.

Только теперь она заметила, как далеко ушла от берега.

Нащупав ногами дно, она поспешила обратно, к своей одежде, которую теперь было совершенно невозможно различить на песке. Мало того, ей стало казаться, что на пляже появились тёмные фигуры мужчин, которые во все глаза смотрят на её тело...

Задул ветер, Любаша моментально продрогла и решила идти к берегу во что бы то ни стало.

Восходящее солнце слепило ей глаза, но она гордо шла вперёд, навстречу гаденьким усмешкам и похотливым взглядам, расправив плечи и высоко подняв голову.

Дойдя до четвёртой отмели, Любаша поняла, что это не мужчины, а кусты и тени, и ей сделалось смешно от своих фантазий. И все вещи оказались на месте — и босоножки, и купальник, и платье, и полиэтиленовый пакет.

Любаша постелила платье на песок и прилегла буквально на минутку отдохнуть и обсохнуть.

Ветерок стих, солнышко уже начинало пригревать, и она, едва прикрыв рукою глаза, в ту же секунду заснула.

Проснувшись часа через два, она поняла, что всё ещё лежит голая, а вокруг люди. Слышались голоса, смех, крики, стук волейбольного мяча, плеск воды у берега.

Холодея от ужаса, Любаша отвела руку и быстро огляделась. Тут ей показалось, что она всё ещё спит, и она протёрла глаза.

На пляже было полно народу и все — голые.

Мужчины, женщины, дети — все абсолютно голые.

И никто не обращал на неё внимания. Это был специальный пляж для nudистов.

Стараясь ни чем не выдавать своего волнения, Любаша подобрала свои вещи и не спеша двинулась в сторону ближайших кустов.

Одевшись и выбравшись на дорогу, она, причёсывая на ходу волосы, пошла в сторону загудевшей электрички. Перед глазами у неё стояли невольно увиденные во множестве, среди бела дня, мужские причиндалы — молодые и старые, маленькие и большие, аккуратные и отвислые... Любаша сделалась рассеянной и по дороге к станции то и дело обо что-нибудь спотыкалась.

Любаша и маньяк

В свои двадцать два года Любаша была развившейся и очень привлекательной женщиной. На неё оборачивались водители, пешеходы и даже некоторые животные. Но сама она ещё плохо осознавала силу своей прелести. Она была простодушная и неопытная. Из-за этого мужчины её обманывали.

Любаша работала в кондитерском магазине «Белочка», в конфетном отделе. Она украдкой читала книги про большую любовь, а когда рядом не было старшего продавца или покупателей, подносила к губам шоколадную конфету, надкусывала и прятала, скрипнув фантиком. Она хотя и любила сладкое, но всё-таки старалась не злоупотреблять, потому что, как говорили подруги, ещё капелька — и будет чуть-чуть больше, чем надо.

Но подруги, скорее всего, ей просто завидовали. Ни капелька, ни килограмм, ни даже десять Любашу бы не испортили. Да и настоящих подруг у неё не было. Она постоянно витала где-то в своих особенных облаках.

Однажды произошла ошибка, ей перепутали ценники, и она целую неделю продавала «Каракум» по цене «Сливочных тянучек». А когда ошибка раскрылась, она со слезами на глазах безропотно вернула в кассу всю разницу, хотя ни в чём не была виновата.

Как и все другие продавщицы в «Белочке» Любаша стояла за прилавком в крахмальном кокошнике и фартучке с вышитым орешком в зелёном «воротничке». По обе стороны высились витрины с кондитерскими изысками, но мужчины, все до одного, открыто, или скосив глаза исподтишка, любовались только ею.

Даже не смотря на такую вопиющую несправедливость, другие продавщицы в магазине относились к ней с симпатией.

Как-то вечером, после работы, Любаша ходила на последний сеанс в кино. По пути домой она заметила, что за ней увязался мужчина — не то маньяк, не то грабитель. Заходить в тёмную арку своего двора она не решилась и остановилась на тротуаре, с надеждой поглядывая по сторонам.

Как нарочно улица была совершенно пустынна. А звать на помощь до того, как что-то началось, в её представлении было бы просто глупо. К тому же, из разговоров в магазине, ей было достоверно известно, что крик и сопротивление провоцируют маньяка на ещё более зверские и изощрённые действия. А что если это вообще нормальный человек, просто случайный попутчик?..

Но это был не попутчик, а самый настоящий маньяк — некрофил и садист. Когда он подошёл ближе и попал под свет фонаря, Любаша его хорошенько рассмотрела. Он был худой и высокий, неопределённого возраста, в очках, в берете и, кажется, совершенно лысый. Его рука в кармане плаща почему-то интенсивно двигалась.

Будто бы проходя мимо, он внезапно сгрёб девушку в охапку, увлёк в тёмную подворотню и грубо прижал к помойному баку. Потной рукой он зажал ей рот, а другой залез под пальто и стал нервно расстёгивать пуговицу у неё на джинсах.

Девушки в магазине часто рассказывали истории про маньяков, которые вычитывали из газет с кроссвордами. Поэтому кое-какая теоретическая подготовка на этот счёт у Любаши имелась. Она не стала кричать и трепыхаться, а просто изо всех сил ткнула указательным пальцем маньяку в глаз.

Тот сразу схватился за глаз рукой, наклонился и как-то обмяк.

Не успев ничего подумать, Любаша, размахнувшись хорошенько взмахлёт, треснула его по голове сумочкой, которая висела у неё на плече.

Маньяк упал, словно убитый.

И только теперь Любаша вспомнила, что в сумочке у неё завернутая в газету старая килограммовая гиря. Мама просила принести для того, чтобы лучше солить капусту. И Любаша сегодня нашла в кладовке подходящую — старую, ржавую, давно списанную...

«Ой-ой-ой...» — проговорила Любаша, сообразив, что случилось, и припустила к своей парадной.

Утром, когда Любаша пошла на работу, она очень боялась увидеть в подворотне лужу крови и вычерченный мелом силуэт. Но крови на асфальте было всего несколько капель, да ещё коричневый берет валялся между помойными баками. Наверное, этот дядя всё-таки остался жив и самостоятельно ушёл домой.

Из-за этого берета Любаша едва не расплакалась от жалости. Вчерашний маньяк, страшный и омерзительный, сегодня казался ей просто больным и несчастным одиноким человеком, которого она сгоряча едва не убила.

Долгое время в магазине только и говорили об этой истории, заставляя Любашу вновь и вновь рассказывать все мельчайшие

подробности. А подрабатывающий у них грузчиком студент с факультета Восточной философии утверждал, что в её трансцендентальном подсознании сидит настоящий боевой дух японского самурая.

Любаше теперь и самой казалось, что она способна в жизни на нечто большее...

Мужская работа

Гражданин Франции Пьер Буржуа приехал в Россию по туристической визе. Было начало апреля, пригревало солнышко и пели птички. Дней десять он рассчитывал провести в Петербурге и его окрестностях, а затем, если понравится, побывать ещё в нескольких городах глубинки, славных своими историческими достопримечательностями.

Он был богат, немного рассеян и внешне напоминал Пьера Безухова в исполнении народного артиста Бондарчука. Его прабабушка родилась в России, поэтому Буржуа довольно свободно изъяснялся на ломанном русском. А может быть совсем не поэтому, а потому, что вообще знал, хотя и через пень колоду, много разных языков мира...

Отец Пьера, поняв, что его сын не рождён быть хищником в капиталистических джунглях, обеспечил его благосостояние умным вложением части капитала в разнообразные ценные бумаги. После этого единственному наследнику оставалось лишь брать деньги в банке по мере надобности, пополнять своё бессистемное образование и путешествовать. Перед женщинами Пьер немного робел, и в свои сорок четыре года всё ещё оставался холостяком.

В 16.45, строго по расписанию, самолёт прибыл в аэропорт Пулково.

Пьер Буржуа получил свой скрипучий кожаный чемодан цвета беж и, с любопытством озираясь по сторонам, направился

к выходу. Номер в хорошей, рекомендованной путеводителем гостинице был им забронирован заранее.

Впереди, у больших стеклянных дверей с надписью «ВЫХОД», Буржуа увидел нескольких приветливо глядящих на него мужчин. Они крутили на пальцах ключи и едва только не подмигивали ему, очевидно опасаясь прогуливавшегося неподалёку милиционера...

В одном из кварталов Парижа, недалеко от его квартиры, стояло много таких, только, конечно, гораздо более презентабельных жрецов любви, которые бросали на проходивших мужчин такие же взгляды и точно так же покручивали на пальцах ключи от комнат, служивших местом корыстного и противоестественного разврата...

Приближаясь к мужчинам, стоявшим у выхода, Буржуа приготовился сказать «нет!» и акцентировать свой отказ решительным жестом. Для этого он даже освободил затянутую мягкой лайковой перчаткой руку, сунув зонт под мышку левой руки, в которой нёс чемодан.

Но не успел он открыть рот и поднять указательный палец, как до его ушей донеслись слова и фразы, смысл которых избавлял его от неудобств и возможной нелепой ошибки. «Такси поедем?..» — приблизительно к этому сводился смысл призывов, которые негромко и на все лады повторяли услужливые мужчины с ключами.

Пьер Буржуа снова взял зонт в правую руку и остановился.

«Да, такси...» — кивнул он, ни к кому из них в отдельности не обращаясь.

Тут же кто-то подхватил его под руку, вывел на улицу и усадил в пахнущий мышами автомобиль. На заднем сидении поместился он сам, а также и его зонт и чемодан. Неприятно заскрежетав стартёром, машина завелась и тронулась с места.

Случай в дороге

Пьер Буржуа прибыл в Россию 4 апреля 200... года с целью осмотра достопримечательностей. В аэропорту он взял частника и поехал по Пулковскому шоссе в сторону города.

— Доллары, евро?.. — поинтересовался водитель, когда они отъехали уже порядочно далеко.

— Евро... — ответил Буржуа, настороженно прислушиваясь к дребезжанию корпуса очень ненового автомобиля.

— Ван хандрид, — решился наконец водитель произнести заветную цифру и, повернувшись, отважно взглянул на пассажира.

Лицо ездока вдруг исказил панический ужас.

— Хау мэни?.. — сказал водитель сделав удивлённое лицо.

Но Буржуа не собирался торговаться. Ему было всё равно — «ван хандрид» или «ту хандрид»... Просто он увидел, что впереди по курсу, у разделительной полосы, стоит джип. Люди, сидевшие в нём, разговаривали с людьми, сидевшими в «Мерседесе», который остановился рядом, на полосе встречного движения.

Поворачивать было некуда — в соседнем ряду гудел грузовик с нескончаемой цистерной.

— Стоп!! — крикнул Буржуа и, в ожидании страшного удара, заслонился костяной ручкой зонтика.

Водитель «Москвича» затормозил и каким-то чудом успел остановиться, лишь только слегка тюкнув стоящий впереди джип.

Зазвенели разбитые фары, на несколько секунд сделалось тихо.

— Всё, пиздец, — негромко произнёс водитель, и от звука его голоса Пьера пронзило могильным холодом.

Сидевшие в «Мерседесе» что-то договорили, что-то передали, что-то взяли, хохотнули — и уехали.

А из джипа вылезли четверо крепко сложенных мужчин.

Один из них, размахнувшись монтировкой, несколько раз ударил по лобовому стеклу. Стекло пошло густой паутиной трещин, проломилось и повисло клочьями.

Мужчина передал монтировку следующему громиле.

— Мужики, не надо... — пролепетал водитель.

Не дожидаясь окончательной расправы, Буржуа схватил чемодан, зонт и, выбравшись из машины, перебежал дорогу. Спрятавшись за кустами, он с дрожью в коленях наблюдал, как четыре вандала уничтожают маленький потрёпанный автомобиль.

Когда на месте синего «Москвича» осталась измятая жестянка, скособочившаяся на резанных колёсах, вандалы залезли в свой джип и великодушно предложили пострадавшему «подбросить до метро». Тот залез в машину, и они уехали.

Начинало темнеть, накрапывал дождь.

Буржуа вышел из-за кустов, раскрыл зонт и принялся голосовать.

Спустя часа полтора он уже принимал душ в своём номере. А потом, заказав себе ужин с вином и запахнувшись в пушистый халат, вышел на маленький изящный балкон. Прямо под ним сиял, перемигивался и бурлил Невский проспект. Дикое происшествие, случившееся по пути из аэропорта, казалось ему нелепым недоразумением, подобные которому происходят только с ним и с неизбежностью которых он уже давно успел примириться. Его первое, случайное впечатление об этой стране и об этом прекрасном городе было, конечно же, обманчивым.

Почти родственник

У французского подданного Пьера Буржуа были русские корни по материнской линии, которыми он дорожил и которыми гордился. В первый же день его первого приезда в Россию портье позвонил ему в номер и предложил услуги проституток.

— Не желаете ли развлечься с девушками? — сказал он на плохом французском.

Смутившись, Буржуа не нашёлся что ответить.

— Есть также опытные женщины, а для изысканных любителей, — портье перешёл на заговорческий шёпот, — найдётся мальчик или девочка...

— Нет, нет! — прохрипел француз, решительно помахав из стороны в сторону указательным пальцем. — Не надо мальчиков!

— Отлично, значит, две красивые русские девушки, — согласился портье. — Подать что-нибудь в номер?

— Да, что-нибудь... — сдался под напором Буржуа. — Конфеты, ликёр, шампанское фрукты...

— И бутылочку водочки для девушек, — подсказал портье.

Не успел Буржуа повесить трубку, как в дверь постучали. На пороге стояли две пышнотелые девицы — блондинка и брюнетка. За ними вдогонку по коридору катили тележку с угощениями.

Девушки уселись на диван и закурили. Блондинка казалась в этом деле новичком; брюнетка смотрела уверенно, как опытная жрица любви.

— Доллары, евро?.. — спросила брюнетка.

— Да, евро, — кивнул Буржуа и улыбнулся: он подумал, что теперь девица скажет «ван хандрид».

— Ту хандрид, — словно читая его мысли, сказала брюнетка и лёгким жестом напомнила, что их двое.

— Хорошо, — сказал Буржуа по-русски.

— По-русски ботает? — произнесла уголком рта блондинка.

— «Спутник, водка, перестройка», — объяснила брюнетка.

— Водка! — расслышал Буржуа. — Пожалуйста, угощайтесь.

И он разлил по рюмкам ледяной «Абсолют».

Девушки взяли рюмки, и брюнетка удивлённо спросила:

— Говорите по-русски?

— Да, я говорю.

— Ну тогда... За любовь и дружбу.

— Да, это прекрасно! — подхватил Буржуа, все трое чокнулись, выпили и зажевали дольками апельсина.

Не долго думая, выпили по второй. А после третьей девушки, очевидно следуя какому-то своему сценарию, начали целоваться и медленно раздевать друг друга. Пьер смотрел на них как заворожённый.

Минут через сорок, расплатившись и распрощавшись, Буржуа принял холодный душ, надел пижаму и забрался в постель. Потом передумал, снял пижаму и лёг совершенно голый. Переполненный впечатлениями одного дня, он уснул через пятнадцать секунд. Россия сделалась для него ещё ближе, только что он с ней как будто немножечко породнился.

Чертилло

Маньяк, который напал на Любашу в подворотне, давно уже состоял на учёте в милиции. Его фамилия была Чертилло, а звали его Альберт Геннадиевич. Когда-то он работал в секретной лаборатории, но сильно облучился и теперь существовал на пособие по инвалидности. Он был сильно сдвинутым и всё время пытался подглядывать за женщинами в банях или в общественных туалетах. А однажды его поймали в морге, куда он забрался, чтобы изнасиловать мёртвых. Но из милиции его всегда в конце концов отпускали, дожидаясь, когда он совершит что-то действительно ужасное и тогда его уже посадят.

Чертилло не умер от удара килограммовой гирей по голове. Он самостоятельно добрался до травматологического пункта и сказал, что на улице на него набросился пьяный и ударил бутылкой.

Довольно долго Альберт Геннадиевич пролежал в больнице и вышел оттуда с металлической заплатой в черепе. Теперь у него

в голове остался образ только одной женщины. Но до тех пор, пока эта женщина была живая, он её боялся. Он хотел обладать, упиваться её телом, но для этого тело непременно должно было стать мёртвым и послушным...

Как Любаша чуть не вышла замуж

Хотя Любаша была очень привлекательна и ей было уже двадцать два года, у неё до сих пор не было жениха или даже постоянного кавалера. Приличные мужчины не решались с ней заговаривать, а находчивые и бойкие на язык приставалы в конце концов оказывались негодяями. В кондитерском магазине, где она работала, все продавщицы были замужем, и не по одному разу. И поскольку почти все они относились к Любаше с симпатией, то непрерывно подыскивали ей достойного мужчину, который стал бы для неё надеждой и опорой.

И вот нашёлся такой мужчина. Это случилось примерно годом раньше уже описанных событий. Он был военный, служил в части, расположенной неподалёку от города, в Сертолово, там и проживал в однокомнатной квартире. Его звали Валерий Палыч или, если официально, майор Шерстнёв. От него пахло лосьоном для бритья и свежeweыглаженной парадной формой. Он был суров и многословен.

Любашу познакомили с ним на дне рождения бухгалтерши. Он кем-то там приходился её мужу. Их посадили рядом и как только увидели вместе, начали так активно сватать, что уже через месяц дело было решено окончательно.

После того, как они подали заявление, Любаша стала приезжать к Валерию Палычу после работы по пятницам а возвращалась домой только в воскресенье. Счастливый жених осыпал её цветами, а в постели бормотал восторженные глупости, словно тринадцатилетний подросток.

Проведя большую часть жизни в суровых условиях и циничном мужском коллективе, майор Шерстнёв прежде не смел даже мечтать о такой женщине и давно смирился с необходимостью заниматься онанизмом. А теперь сослуживцы выражали ему своё восхищение невестой в таких выражениях, услышав которые, иной гражданский мужчина залился бы густой краской. Их неказистые жёны были готовы убить Любашу или облить её кислотой.

В конце июня, когда по воздуху летал тополинный пух и чесались носы, в самую жару, наступил день бракосочетания. Шерстнёв Любаше не очень нравился, ей было с ним скучно, но в магазине её убедили, что первый раз сходить замуж ей уже непременно пора.

Для застолья арендовали офицерскую столовую, а расписаться решили в центре, во Дворце, возле Таврического сада. Они должны были расписаться, а потом ехать в красивой машине с лентами, останавливаясь и фотографируясь перед достопримечательностями.

Было очень жарко, и Любаша для храбрости выпила с подругами несколько бокалов ледяного шампанского. От этого её бросило в пот и слегка закружилась голова.

Незадолго до регистрации Любаше захотелось писать. Некоторое время она терпела, рассчитывая, что всё-таки успеет зарегистрировать бракосочетание, а уже после как-нибудь незаметно отлучится. Но вскоре, выбрав момент, когда жених вышел покурить с друзьями, незаметно от всех улизнула по боковой лестнице вниз, где был гардероб и туалеты.

Увы, туалет оказался закрытым на ремонт и заколоченным.

И тогда Любаша, сняв с себя фату, побежала через задний выход, через двор, в Таврический сад, где обособленным домиком стоял общественный туалет. Закрывшись в кабинке, она с невероятным облегчением стала писать. И вдруг заметила, что через дырку в перегородке на неё смотрит глаз. Она смотрела на глаз, а глаз смотрел на неё.

— Эй! — пересилив страх, громко сказала Любаша.

Глаз исчез, слышались торопливые шаги.

А это был тот самый маньяк, который впоследствии напал на Любашу в подворотне.

Услышав решительный оклик, Чертилло испугался, что девушка погонится за ним и поднимет шум, а потому подпёр дверь туалета снаружи доской.

Любаша торопливо привела себя в порядок перед зеркалом и попыталась выйти, чтобы бегом прибежать обратно во Дворец Бракосочетания.

Дверь не поддавалась.

— Эй! — крикнула Любаша. — Откройте! Вот сейчас вызову милицию!..

Но снаружи вдруг хлынул такой ливень, что в саду через минуту не осталось ни единой живой души.

Только часа через полтора, когда дождь кончился, а лужи подсохли, Любашу выпустили из туалета случайные люди. Заплаканная, с размазанной по лицу тушью, она села на скамейку и просидела там до глубокой ночи. К ней подсаживались добрые старушки, перед которыми она начинала плакать, пьяницы, с которыми она пила тёплую водку и курила, искатели амурных приключений, от которых Любаша гордо отворачивалась.

Придя пешком домой, она заперлась в своей комнате и легла спать. А родителям пролепетала через дверь придуманные полусумасшедшие объяснения.

Служивцы майора Шерстнёва и их жёны, дожидавшиеся молодых за накрытыми столами офицерской столовой, не дали пропасть добру и гуляли до утра с музыкой. Опоенный и обласканный Валерий Павлович пытался стреляться, но у него отняли оружие. В понедельник он подал рапорт о переводе в Северно-Ледовитый заполярный военный округ.

Кто составит счастье женщине

Случилось так, что однажды Любаша, по нелепому стечению обстоятельств, не вышла замуж. И первое время она по этому поводу сильно горевала. Но после даже испытала некоторое облегчение. Потому что майор Шерстнёв был совсем не тем человеком, который ей изредка представлялся в воображении. Тот, другой, был немного похож на киноактёра Бандераса, если бы Бандерас снимался в мексиканских сериалах. Но Любаша, конечно, понимала, что он не может всё бросить и приехать к ней. Она мыслила в этом направлении достаточно реально и практически. И она стала думать, какой ещё мужчина, без особенных претензий с её стороны, мог бы составить её счастье.

Во-первых, думала она, чтобы был здоровый и работал. Потому что если он больной и нетрудоспособный, то какая это жизнь.

Во-вторых, чтобы был нежный и понимающий. А иначе ради чего вообще идти замуж? Но только так, чтобы был при этом сильный. Даже, может быть, иногда грубоватый... когда это к месту. Потому что если мужчина нежный по натуре, то некоторые могут подумать, что он какой-нибудь не очень психически нормальный и любит, допустим, детей... в нехорошем смысле. И зачем ей такое золото, совершенно непонятно.

В-третьих, чтобы не был бандит или неправильной национальности. Потому что если он бандит, то его, скорее всего, убьют или посадят. И тогда её женское счастье опять-таки не состоится. А если он всё-таки честный, то не до такой степени, чтобы сидеть у неё на шее. Зачем это ей нужно: тащить мужа по жизни на свою зарплату.

В-четвёртых, не дурак. Ведь так бывает, что мужчина при всех достоинствах, но едва только он откроет рот, так лучше уж сразу сквозь землю провалиться. Нет, конечно, она не сможет такого уважать. Она с ним вообще... ничего не сможет. Потому что этот дурак будет её только злить. И не надо ей никаких его денег!

Тут Любаша опомнилась, что никто ещё не собирается на ней жениться. И она аккуратно выписала в столбик все те достоинства мужчины, которые необходимы для счастливого брака.

Здоровый.

Нежный.

Сильный.

Честный.

Обеспеченный.

Умный...

Любаша уронила ручку. Такого, конечно, не бывает. Но ведь если что-то вычеркнуть, останется или карикатура, или какое-то мрачное чудовище.

Она взяла бумажку и медленно её разорвала. А ведь хотелось ещё написать, чтобы был симпатичный... ну так, чтобы совсем не урод... обаятельный...

Палец

Маньяк Чертилло, который преследовал Любашу, имел склонность подглядывать за женщинами в туалете. И не только за женщинами, но и за несовершеннолетними детьми.

Однажды его потянуло на молоденьких девочек, и он забрался через окно в школу. Это была даже не школа, а платная гимназия, оборудованная на уровне европейских стандартов. Буквально всё сияло, а у входа стоял одетый в специальную форму охранник.

Недавно начался урок, коридоры опустели. Чертилло на цыпочках прокрался в женский туалет, который нашёл по запаху. В эти периоды, когда на него особенно находило, у него проявлялись некоторые нечеловеческие способности.

Запершись в сверкающей кабинке, он провертел специальным буравчиком дырку в перегородке и стал ждать.

Коротая время, он нарисовал на перегородке голую учительницу. А потом приписал внизу похабные слова, чтобы школьницы их читали.

Дырка, которую он провертел, находилась у нарисованной женщины аккурат между ног. Чертилло, высунув язык и пуская от счастья слюни, просунул в эту дырку указательный палец.

В эту секунду прозвенел звонок на перемену.

Чертилло дёрнулся от неожиданности, и от этого его неуклюжего движения палец застрял.

Коридоры зашумели, в туалете слышались шаги и женские голоса. Одна из учениц закрылась в соседней кабинке, села и вдруг увидела человеческий палец.

Длинный, распухший, с грязным кривым ногтём, он торчал на уровне её талии прямо из перегородки. Онемев от страха, девушка наклонилась и увидела в соседней кабинке длинный, как нильский крокодил, мужской ботинок. Она снова подняла глаза и ей показалось, что палец, увидев её, чуть заметно шевельнулся.

И тут её прорвало.

Она выскочила из кабинки и закричала так, что у остальных едва не полопались перепонки.

Прибравший охранник выбил ногой дверь. А увидев Чертилло и дырку, и рисунок на стене, и подписи, даже спрашивать ничего не стал. Просто вынул из-за пояса резиновую дубинку и принялся охаживать ею, да подбитыми шнурованными ботинками маньяка от всей души.

Чертилло как ни кричал, как ни извивался, а палец застрял только хуже.

Потом, когда он совершенно размяк, директор гимназии взял охранника за руки, чтобы тот уже уgomонился. Вызвали «скорую» и милицию. Палец, обмазав вазелином, кое-как вытащили. В больнице потом нашли перелом в двух местах.

В милиции и в психушке Чертилло хорошо знали, поэтому директор гимназии не стал писать заявление. Зачем, только лишняя морока. Зато охраннику за образцовое несение службы выписал премию. Очень даже приличную.

В бане

Случилось так, что маньяк Чертилло несколько месяцев ходил с загипсованным указательным пальцем. На его правую руку наложили шину, и палец, являвшийся прямым продолжением руки, казался вызывающе и непропорционально огромным.

В больницу он ни разу не явился. Постепенно бинты сделались чёрно-бурыми, сальными и плохо пахли. Сначала рука висела на лямке, а потом, когда всё уже срослось, Чертилло ходил, размахивая этой рукой направо и налево и указывая в магазине, какой кусок ему нужен.

Наконец, когда рука стала уже невыносимо чесаться, Чертилло взял скальпель и, изрезав себя немного, снял долой шину и гипс.

После этого он решил впервые за много лет сходить в баню. Чтобы после уже об этом не думать.

Поглядывая исподтишка на мужские причиндалы, он поплескался из шайки, попотел в парной, помылся под душем и пошёл к выходу. У самых дверей он поскользнулся на обмылке и, слабо успев вскрикнуть в полёте, грохнулся затылком об пол.

И тогда, в эту секунду, он вдруг всё понял. Он увидел себя со стороны, и ему сделалось так больно и стыдно, что слёзы закапали из глаз. От удара к нему вернулось сознание, каким он был, пока ещё не повредился умом.

И он решил уехать из этого города, поселиться там, где его не знают, и начать новую, счастливую и осмысленную жизнь...

Но тут санитары, которые спускали его с лестницы на носилках, замешкались, качнулись на повороте, и Чертилло скатился вниз по ступенькам. Он повторно ударился головой, после чего его шапки вернулись на прежнее неправильное место.

Он забыл абсолютно всё, что вспомнил вдруг в счастливые минуты своего просветления. И он, хитро прищурившись, подумал, что если устроиться банщиком в женское отделение... или даже просто переодеться каким-нибудь монтером...

А санитары, увидев, что он всё ещё живой и даже вроде бы чуть заметно улыбается, облегчённо вздохнули и взяли его за руки за ноги.

После этого случая в голове у Чертилло появилась ещё одна металлическая заплатка.

Весна для влюблённых

Тут надо уже заканчивать. Признаюсь, что поначалу я предполагал, что Любаша и Пьер вообще никогда не встретятся. Это разбило бы все ожидания читателя и дало бы мне повод злорадно похихикать. Потом захотелось, чтобы Любаша, Пьер и маньяк Чертилло сошлись в кровавой кульминационной сцене, и Пьер, словно какой-нибудь Сирано де Бержерак шпагой, сразил бы Чертилло наповал своим зонтиком. Однако, как мне рассказали, всё закончилось настолько обыкновенно и предсказуемо, что разливаться тут особенно не о чем. Вот вам вкратце правдивое окончание этой истории.

* * *

Была весна, и на душе французского подданного Пьера Буржуа пели птицы. Он восторженно смотрел на всех девушек и женщин, которых встречал на Невском проспекте. Каждая казалась ему прекрасной феей, загадкой и источником бесконечных наслажде-

ний. Ему очень хотелось познакомиться с нормальной женщиной, то есть, не проституткой. И вскоре он увидел такую женщину.

Она стояла за прилавком кондитерского магазина, в расщелине между высокими витринами, читала лежавшую на прилавке книжку и время от времени аккуратно откусывала от спрятанной шоколадной конфеты. Судя по формату, книга была из разряда женских романов. А сама продавщица была... такая хорошенькая, что сердце у Пьера Буржуа вдруг застучало, ноги ослабли, а голова закружилась. Несомненно, это была та самая любовь с первого взгляда, которая поражает стрелой Амура только один раз в жизни.

Ошарашенный, Пьер долго стоял перед цукатами и засахаренными орешками, поглядывая на неё искоса, только издалека. Продавщицы начали хихикать и перешёптываться. Тогда посетитель опомнился и решительно приблизился к необыкновенной девушке. Любаша подняла голову, аккуратно упаковала в фантик половинку своей конфеты и убрала книжку. «Чего вам, товарищ?» — несомненно сказала бы она, если бы дело было пятнадцатью годами раньше. Но теперь от всех продавщиц требовали вежливости, и она вежливо промолчала.

— Э-э... — сказал Пьер, опустив голову, — дайте пожалуйста мне... э-э... шоколад.

— Вам какого?

Внешний вид покупателя, его робость и несомненная интеллигентность произвели на Любашу благоприятное впечатление.

— Дайте... самого лучшего.

Если бы дело происходило лет пятнадцать или двадцать назад, продавщица после таких слов непременно бы занервничала и потребовала бы выразиться точнее, а то бы и нахамила. Но Любаша покорно повернулась и, потянувшись к полке, сняла золочёную картонную коробку с массивной плиткой самого дорогого шоколада «Имперал».

Когда она потянулась, и халатик очертил всю соблазнительную прелесть её фигуры, Пьер Буржуа выронил зонтик и ухватился обеими руками за прилавок. Рассчитавшись, он рассеянно поблагодарил и нетвёрдыми шагами направился к выходу, позабыв о своей покупке.

— Послушайте, вы забыли! — окликнула его Любаша, и звук её голоса сразил его безнадёжно и окончательно.

— Не надо, — отмахнулся он, торопливо удаляясь, — это вам...

Дома, перед тем как заснуть, Любаша долго думала о странном покупателе. Шоколадку «Империал» она, по совету подруг, не стала распаковывать, а вместо этого взяла себе деньги. А теперь ей было совестно, потому что всё-таки это был подарок, а с подарками так поступать не следует. И она твёрдо решила выкупить шоколадку обратно и непременно именно ту же самую. Только так, чтобы подруги не узнали.

А сам покупатель ей понравился. Она ещё никогда не думала, лёжа в кровати, о случайно повстречавшемся мужчине. Ей уже не раз пытались дарить подарки, и, случалось, очень дорогие, только она не брала и после даже не вспоминала. Тут имел место, видимо, какой-то особенный случай.

Пьер Буржуа пришёл в магазин на другой день и послезавтра. А на третий решился заговорить. Возможно потому, что девушка уже сама поглядывала на него с доброжелательным интересом. Он так волновался, что путал русские слова с французскими, но Любаша его прекрасно поняла. Он пригласил её на свидание, а она густо покраснела и согласилась.

Две недели спустя Пьер продлил свою визу, через месяц они расписались и уехали во Францию. Они любили друг друга всю жизнь, у них были дети, которые тоже были очень счастливы, и у них потом тоже были счастливые дети.

А Чертилле за пределы отечества не выпустили. Хотя он тоже хотел поехать следом и первое время приходил в ОВИР, чтобы буяннить. Но потом охранник с дубинкой положил на него недобрый глаз, и Чертилло продолжал ругаться и размахивать руками на другой стороне улицы. Только к зиме он окончательно угомонился.

В магазине «Белочка» Любашу все до сих пор любят и рассказывают правду и небылицы о её похождениях новым сотрудницам, которые хотя и строят глазки солидным с виду покупателям, но ни одна ещё во Францию не уехала.

РАЗНОЕ НЕ ВОШЕДШЕЕ

ДЕКАДЕНТСКИЕ ТАНКИ

Лист

Небо стучится
В крышу пустой веранды.
Ствол давит в нёбо.
Спуск так скор и податлив.
Осень роняет листья.

Река

Река струится
Из подрезанной ветки.
Кончилось лето.
Скоро погаснет солнце.
Мокрые стёкла плачут.

Королева

Когда-то злые тролли подняли в небеса волшебное зеркало, которое сбивало с катушек и уродовало сознание тех, кто в нём отражался. Тролли были пьяны и выронили зеркало. Разбившись о скалу, оно рассыпалось на триллионы осколков, каждый из которых был величиной с песчинку. Один осколок угодил в глаз мальчику Каю, и тот превратился в жестокого отморозка, умного и расчётливого. Потрясённый столь внезапной и разительной переменой в сознании, он ушёл из дома, где все стали казаться ему глупыми простаками. В конце концов он попал в ледяные чертоги Снежной королевы. Гадкий парнишка пришёлся по душе холодной красавице, и она попыталась склонить его к сожительству.

Что касается дальнейших событий, то традиционная версия, в изложении Г.-Х.Андерсена, выглядит, хотя и оптимистично, однако совершенно неправдоподобно.

В отсутствие королевы будто бы пришла девочка, с которой Кай был близок ещё до того, как спятил. Слёзы Герды растопили осколок, парень мгновенно оклемался, и они вместе, взявшись за руки, вышли из ледяных чертогов, любящие, свободные и счастливые.

Представленные ниже, бессвязные только на первый взгляд, документы позволяют увидеть картину последующих событий в совершенно ином свете.

ДОКУМЕНТ No 1 (заявление)

Граждане судьи! Надеюсь, что в век информационного бума и высоких технологий не надо доказывать абсурдность утверждения гр-на Андерсена Г.Х. по поводу будто бы расплавленного непосредственно в организме мальчика осколка стекла. Для данной операции осколок следовало бы для начала извлечь. А уже после попытаться растопить в условиях сверхвысокой температуры. Не буду гадать о возможных последствиях данного эксперимента,

а также испарениях, которые могли бы поразить миллиарды людей и ввергнуть их в затяжную депрессию, фригидность или даже импотенцию.

В действительности Кай, будучи уже вполне сложившимся негодяем, охотно принял предложение Снежной королевы и впоследствии на ней женился. Мне доподлинно известно, что один из многочисленных родственников моей жены проживает в США и занимается поставками в страны СНГ замороженных куриных окорочков. Не наводит ли Вас этот подозрительный факт на некоторые размышления?

Теперь по сути заявления.

С некоторых пор моя супруга Снежана Каевна (в девичестве Морозова) пренебрегает супружеским обязанностям. Пункт «Интимные отношения» нашего брачного договора предполагает и регламентирует половые контакты не реже 4-х (четырёх) раз за один календарный месяц.

Из них:

- вагинально не реже 4-х раз;
- орально (предварительные ласки) не реже 4-х раз;
- анально не реже одного раза.

С тем, чтобы документально обосновать свои претензии, на протяжении всего четвёртого квартала 2002 года я вёл записи, отражающие качественную и количественную картину наших интимных супружеских отношений. Вот их реальная картина:

- вагинально ноль раз;
- орально ноль раз;
- анально один раз.

Прошу учесть, что показатель последней строки не отражает моих отношений непосредственно с женой. После её слов «сам себя трахай, идиот», я воспользовался имитатором, игры с которым ни на йоту не приблизили меня к эротическому экстазу и напротив, причинили мне ощутимые физические неудобства.

Между тем, моя законная супруга, судя по всему, отнюдь не ограничивает себя в утехх подобного рода. Несколько раз я заставал её в постели с мужчинами, которые представлялись страховыми агентами, сантехниками или врачами скорой помощи. Но разве врачи, сантехники и страховые агенты могут выполнять свою работу без необходимых инструментов и снаряжения, раздевшись догола? Это маловероятно.

Моя жена занимается мелким предпринимательством: возит из Финляндии поношенное барахло. Вы уже понимаете?.. Лапландия, так прежде назывались эти земли. Не там ли, согласно тексту гр-на Андерсена Г.Х., находится чертог (офис?) Снежной королевы?.. Не без оснований полагаю, что судьба сыграла со мною злую шутку, и Снежная королева является ни кем иным как моей тещей.

В виду вышеуказанного, а также учитывая то, что я безработный и месяц нахожусь на лечении в психиатрической больнице, прошу обязать мою жену выплачивать мне ежемесячно 100 (сто) условных евроединиц. Учитывая моё невольное родство со Снежной королевой, прошу также передать мне права на использование 50 (пятидесяти) процентов полезной площади ледяных чертогов, расположенных, надо полагать, в курортной зоне современной Финляндии.

Фамилия, число, подпись.

ДОКУМЕНТ No 2 (оперативная съёмка)

СЕВЕР ФИНЛЯНДИИ. ЧЕРТОГИ СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ.

— Дочь, я имею надобность с тобою серьёзно говорить.

— Да, мама, наконец-то. Не могу больше возить мешки с барахлом, меня тошнит от этих тряпок.

— Однако, имея столь дифференцированную практику перевозки через границу секонд-хенд, ты досконально изучила нюансы, а также повадки и запросы таможенных чиновников.

— Я изучила трассу, навела мосты и приценилась.

— Не переплачивай лишнего; все они кормятся от моей руки. Теперь ты можешь нанять мешки, тушки, курьеристов и заняться настоящим делом. Я запущу свои производства на полную мощность, и нам потребуется провозить огромные партии снеговика через границы.

— «Снежка», мама. Этот наркотик называется «снежок».

— Да, так. Поскорости из клиники выйдет твой недоразуменный супруг. Снадобье, которое делало помутнение рассудка, постепенно выводится. Однако, он уже никогда не сделается прежним. Вернувшись со справкой о нарушении умственной нормы, он сможет приносить нам реалистическую пользу.

— Откроем новую контору на его имя.

— Ты есть умная девочка. Мы засыпем толстым слоем дешёвого снеговика весь Северо-запад. Об остальном мире позаботятся твои братья и сёстры. Пойдём теперь поклонимся твоему глупому папашке.

Отрывается потайной ход, Снежана и Снежная королева спускаются в сверкающий зал. В его центре, на серебряных цепях, висит ледяной гроб, в котором покоится юноша. Некоторое время стоят молча.

— Он никогда не будет старым.

— Так же, как и ты, мама.

— Это совсем различные вещи, дурочка. Твой отец был глупый, он позволял себе любить меня. Теперь он есть просто красивая ледяная инсталляция.

— А я буду старой?

— О да, ты будешь. Но не так скоро, постепенно, лет через восемьсот. Ты ещё успеешь сделаться моей наместницей в мире, бурлящем нечистотами. Сначала мы завладеем всеми его деньгами, затем умами, затем очистим его от скверны, затем заморозим. Он будет весь сверкающий и прекрасный, как этот склеп и как сад за моим домом.

— И я умру?..

— К тому времени мы что-нибудь придумаем. Я думаю так, что-нибудь придумаем. Если только...

Снежана поворачивается и внимательно смотрит на мать.

— Если только ты не сделаешь глупость и не восплаешь какой-нибудь африканской страстью к мужчине или женщине. Тогда ты сгоришь лет за пятьдесят, как, обыкновенная баба.

Снежана улыбается.

— Этого никогда не случиться, мама. Ведь сердце у меня совсем как у тебя, ледяное.

«Все они так говорят...» — с грустью подумала королева.

Судьба-рок

первый рассказ, июнь 1987, почти с натуры

Семён Степанович Конюхов вот уже много лет собирался выбраться на денёк в Ленинград. Сам он жил в крупном областном центре, имел хорошую пенсию с прибавками, дом и огород. По праздникам он надевал чёрный, бряцающий медалями пиджак, почти новые коричневые брюки и скрипучие, начищенные ваксой сапоги.

Героический жизненный путь его был тернист и нелёгок. В революции и гражданской он не участвовал по причине малолетства, но уже в тридцатых, насупив брови и поигрывая желваками, раскулачивал гадов, отбившихся от колхозного коллектива и подёрнувшихся буржуазным жирком. Избирался секретарём комсомольской ячейки и не раз был сам бит несознательными элементами.

В тяжёлую годину войны с фашистами Конюхов оказался в осаждённом Ленинграде, где, не щадя себя, работал замполитом на продовольственном складе.

Много воды утекло с тех пор. Был День победы, встреча с любимой женщиной, назначение на ответственную партийную работу. Культ личности, реабилитация, нелепое покушение на его жизнь...

Глубокие морщины прорезали чело Семёна Степановича, стали седыми его волосы, но старый солдат помнит всё. Выступая перед пионерами в подшефных школах, он вспоминает голодный обморок на работе в блокадном Ленинграде, показывает ещё заметный след на бедре, нанесённый врагами советской власти в период коллективизации, призывает молодых быть верными идеалам коммунизма.

Но молодые были уже не те. И одевались они как-то по-другому, и частенько за версту обходили парикмахерскую. Вечерами они брэнчали на гитарах или заводили хриплые магнитофоны... Семён Степанович таких не любил. Хотя некоторые из услышанных песен ему втайне нравились — такие, как, например, «Пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную...» и тра-та-та... что-то такое.

Съездить в Ленинград ему хотелось давно. Посмотреть на помолодевший за десятилетия красавец-город. На высотные дома из стекла и бетона, смело вклинившиеся в петровскую рутину. На чудодамбу, спасающую город-герой от наводнений...

Кроме того, надо было купить новую вставную челюсть (старую он потерял на юбилее у партийного товарища), побывать у хорошего врача (пошаливало сердце) и купить продукты по поручению жены (на прилавках — хоть шаром покати).

И вот, наконец, в начале июня установилась тёплая погода, и Семён Степанович решил ехать. Надел свой выходной костюм с медалями, купил билет и сел на поезд.

Всю ночь в дороге он не спал, а всё курил у окна в коридоре и думал: какой он теперь, Ленинград?..

С Московского вокзала Конюхов сразу попал на Невский, и его окружил поток горожан.

Первым, что бросалось в глаза, был необычный внешний вид у прохожих. Чем-то они напоминали пёструю толпу иностранцев, какими их показывают в фильмах. И уж совсем эти граждане не подходили на жителей областного центра, из которого вот уже лет сорок не выезжал Семён Степанович.

Первый раз у него защемило сердце и перехватило дыхание, когда мимо прошла группа молодых людей, одетых в чёрные кожаные куртки с булавками, заклёпками и цепями. Все они были в тёмных вытянутых очках и почему-то напомнили Конюхову о зверствах нацистов во время Великой Отечественной войны.

Зайдя в парадную, он прислонился спиной к стене и положил под язык таблетку. В тишине и прохладе боль отпустила, и Семён Степанович, решив не принимать ничего так близко к сердцу, окунулся в городскую неразбериху.

К шести часам вечера дела были сделаны. Чемодан с продуктами стоял в камере хранения вокзала. Новая вставная челюсть давала уверенность в завтрашнем дне. А вот на приём к врачу попасть так и не удалось; ну и хрен с ним, здоровье дороже...

Поезд обратно отправлялся только ночью, и Семён Степанович решил выполнить ещё одно, не совсем обязательное поручение. Его товарищ по работе в райкоме просил проведать племянника. Этот его племяш занимал пост директора ленинградского Дворца молодёжи и давно не подавал о себе вестей. «Ты уж зайди, Степаныч, проведай, если время будет...» — попросил его, провожая на поезд, старый товарищ.

Пересчитав деньги и отчаянно махнув рукой, Конюхов взял такси и поехал улицу профессора Попова.

Директор дворца был заметно смущён появлением земляка.

— Конечно... спасибо... я очень рад... — говорил он, стреляя глазками по сторонам. — К сожалению — дела... Не хотите ли пройти в наш концертный зал? Фестиваль, музыка, так просто и не попадёшь... Молодёжь, знаете ли комсомол!.. Пойдёмте, пойдёмте, я вас посажу...

На пути в зал Семёну Степановичу то и дело попадались на глаза странные личности. Некоторые были похожи на тех, которых он уже видел на Невском — в коже и с цепями. У других на головах разноцветным гребнем стояли волосы. Кто-то вырядился в русскую расшитую рубаху и лапти. «Артисты, наверное», — подумал Конюхов.

Директор усадил земляка в самый первый ряд и с явным облегчением распрощался.

В зале было душно. Люди сидели и стояли в проходах, что-то выкрикивали и свистели. Изредка странные возгласы или даже тычки доставались сзади и по его адресу. Но Конюхов напряжённо смотрел прямо перед собой, не оборачиваясь.

Наконец ведущий объявил в микрофон непонятное, похожее на «АВИА-ВИА», публика взорвалась, свет погас и представление началось.

С самого начала происходившее на сцене, вызывало у Семёна Степановича противоречивое впечатление. Музыку он не понимал и не пытался понять; странные ощущения вызывало именно действие. С одной стороны всё было так, как надо: мужчина в строгом костюме выходил к микрофону и говорил проставленным голосом правильные слова и фразы. Девушки и юноши в спортивном под счёт «делай раз! делай два!..» строили пирамиды. Это было хорошо и знакомо, но что-то было не так. Казалось, что-то самое главное, от чего публика ведёт себя так восторженно и вызывающе, ускользает, проходит мимо него...

Опять заболело сердце. Семён Степанович сунул валидол под язык и перестал думать о непонятном.

После того, как закончилось первое отделение, в зале зажётся свет и началась неразбериха. Конюхов решил не вставать и вообще уйти по окончании самым последним, чтобы не корячится в толпе.

Прошли мучительные полчаса, во время которых ему ходили по ногам, а на сцене громко настраивали электрогитары.

Но вот свет опять погас, и луч прожектора высветил молодого человека с развязными манерами, одетого в рваньё. «Свинья, свинья», — слышались позади голоса из публики.

Дымя папиросой, Свинья сразу вступил в конфликт с ведущим, перебив его на полуслове.

— Вообще-то мы «Автоматический удовлетворитель». Аппарат — говно.

Зазвучал плотный, напряжённый бас и электрический аккомпанемент гитары. Свинья запел — хрипло, противно и лениво. Опустившись на корточки, он выступал только для той кучки людей, которые тянули к нему руки, столпившись в проходе.

Было громко и страшно. Семён Степанович сидел, истекая холодным потом и держась рукою за сердце. Он не мог встать, не мог позвать на помощь.

Музыканты устроили бессмысленную потасовку, а затем изобразили групповой половой акт. Свинья подошёл к краю сцены, прямо к тому месту, против которого сидел Семён Степанович, и стал плевать в зал. Слюна его была красного цвета!..

Всё поплыло перед глазами Семёна Степановича, рука его потянулась в карман за лекарством, но поздно.

— Ты смотри, как налился! — проворчала уборщица, когда была уже ночь, и все разошлись. — Надо бы милиционера позвать...

Милиционер вызвал «скорую», которая отвезла тело куда полагается в таких случаях.

Семён Степанович умер. Царство ему Небесное. Да здравствует рок-н-ролл.

СОДЕРЖАНИЕ

«ЛЮДИ БОЛЬШИЕ И ЛЮДИ МАЛЕНЬКИЕ»

Одиночество
Несогласованность
Магия телевидения
Мокрицын
Сдвиг по фазе
Пельмень
Подстава
Смертельная болезнь
Власть
Оружие
Илья Ильич умер

«ЛЮДИ ТВОРЧЕСКИЕ»

Саймон и Гарфункель
Тайна лесного озера
Успех
Семейные радости
Притча о самом талантливом писателе

«ЛЮБАША И ПЬЕР»

Балтийский берег
Любаша и маньяк
Мужская работа
Случай в дороге
Почти родственник
Чертилло
Как Любаша чуть не вышла замуж
Кто составит счастье женщине
Палец
В бане
Весна для влюблённых

РАЗНОЕ НЕ ВОШЕДШЕЕ

Две декадентские танки
Королева
Судьба-рок

Текст книги свёрстан автором.
Рекомендовано для чтения на устройствах
с экраном формата А5 (10') и более.

Если произведение вам понравилось,
вы можете перечислить маленький
благотворительный взнос на счёт автора.
В системе WebMoney: R370805024999
Яндекс-деньги: 41001377369403

<http://sheba.spb.ru/>
karlov@bk.ru

Тираж 1 экземпляр.
С.-Петербург, 2010 г.